

Гиблое пространство

Борис Маркевич в Музее личных коллекций

выставка графика

Коммерсантъ — 2003. — 14 февр. — с. 22.

В Музее личных коллекций открылась выставка «Борис Маркевич. Обозначенное пространство». В пространстве, обозначенном известным мастером советской книжной графики, перемещался СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Борис Маркевич (1928–2002) — классик советской книжной графики. В разное время он оформлял «Сорок первый» Бориса Лавренева, «Литературные портреты» Андре Моруа, «Театральный роман» Булгакова, элегии Овидия, «Старик и море» Хемингуэя, «Над

пропастью во ржи» Сэлинджера. Кроме того, ему принадлежат иллюстрации к «Двенадцати» Блока, рассказам Виктора Астафьева и Валентина Распутина, новеллам Анатоля Франса, рассказам Зоценко и «Мастеру и Маргарите» Булгакова.

Не успела открыться выставка Артура Фонвизина, как Музей личных коллекций уже дополнил его Борисом Маркевичем. Поглядеть на биографию двух героев — и оказывается, что в поздние сороковые Марке-

вич трудился в системе советского цирка (ткани расписывал, это были чуть ли не первые его самостоятельные шаги в мире искусства), а в эту же самую пору художник Фонвизин рисовал своих жизнерадостных циркачей на лошадях. Иначе, как взаимопроникновением судеб на почве великого советского цирка, это не назовешь.

Но, наверное, именно потому, что Маркевич насмотрелся на цирковую романтику из-за собственноручно расписанных

кулис, его унесло от нее невозможно далеко. Да и вообще с романтикой у него сложные отношения. Вот акварели. Для тех, кто Маркевича знает только по книжным иллюстрациям, это настоящее открытие. Никакой тебе прозрачности-воздушности, довольно глухие и укрывистые красочные слои, и прямо видишь, как художник недрогнувшей рукой выводит ровными цветовыми плоскостями полумрак деревенской избы. Рядом с перьевой графикой, где та

же рука двумя-тремя легкими и бесконечными линиями неприужденно обозначает Коровьева или Бегемота, эти листы кажутся очень непреклонными. Нежного шепота полутонов или яркости каких-нибудь там тюльпанов в китайской вазе от него, конечно, не дождешься, но зато сами густые цвета — охристые, рыжеватые, землистые — внушают ощущение уюта и спокойствия. Такая приглушенность и одновременно комфорт маленького непритязательного мирка.

Вот двое людей, мужчина и женщина, играют в карты в бревенчатом интерьере. Играют вечером (и отчего-то кажется, что вечером зимним), в доме темно и понуро, и никакого азарта игра явно не будит. Картинка довольно тусклого и сонного существования, но уж спокойствия — прямо хоть ложкой ешь.

В завершающем разделе выставки — акварельные натюрморты 1990-х, которые и натюрмортами-то называть странно. Мертвенности хватает, приро-

ды — не очень. Композиция везде одинакова: однородный фон, в котором горизонтальная поверхность строго переходит в вертикальную; своей формальностью это похоже на сцену и задник. Изображаемые посреди этой «сцены» предметы держатся как-то по-театральному, только вот пьеса у них невеселая. Вот стоит пустая бутылка, вот аптечный пузырек (пустой, разумеется), вот спичечный коробок. Все предметы выписаны мастерски, иногда на грани об-

манки, но видно, что их тяготит и их собственное жизнеподобие (нет бы расплыться в глухой стене фона — по-настоящему акварельно), и математическая точность расположения на листе. А масштаб их между тем все уменьшается, и когда в центре внимания оказывается одна единственная прозрачная капля, почему-то не впитывающаяся в суровый антураж, наступает очевидная уверенность: недоброе оно, это обозначенное пространство.